

Б.Н. ФЛОРЯ
РУССКИЕ ПОСОЛЬСТВА В ИТАЛИЮ
И НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА
МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

История строительства Кремля при Иване III в основных своих моментах была хорошо известна уже исследователям прошлого столетия¹. Составители московских великокняжеских сводов отметили время окончания строительства основных участков кремлевской стены и башен, а также имена руководивших строительством мастеров. И все же с самым начальным моментом строительства связан целый ряд вопросов, которые до сих пор остаются неясными.

Хорошо известно, что строительные работы в Кремле начались в июле 6993 года (1485 г.— *Б.Ф.*), когда мастер Антон «Фрязин», то есть итальянец, заложил «стрельницу» на Москве-реке, «а под стрельницею выведен тайник»². Однако остается неизвестным, когда было принято решение о строительстве новой московской крепости. Исследователи также давно уже отметили, что к созданию московской цитадели был привлечен не такой известный, давно обосновавшийся в Москве итальянский инженер-строитель, как Аристотель Фиораванти, а совершенно новый, в предшествующие годы в русских источниках не упоминавшийся мастер Антон³.

На вопрос о том, когда и каким образом попал в Москву этот итальянский строитель, а также его коллега, другой строитель Кремля, архитектор Марко, исследователи не дают определенного ответа, ограничиваясь общим указанием, что они были, вероятно, приглашены Иваном III⁴.

Эта неопределенность не должна удивлять, если учесть, что в русских летописных сводах не отмечено ни одного русского посольства в Италию во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов XV века. Нет каких-либо упоминаний о таких посольствах и в известном труде иезуита Павла Пирлинга, во второй половине XIX века специально искавшего в итальянских архивах материалы, касающиеся дипломатических контактов между Иваном III и папским престолом. Ничего не добавляет к сводке П. Пирлинга и современный итальянский исследователь Барбьери, уже в наше время искавший следы русско-итальянских связей среди документов Миланского архива⁵.

Между тем сообщение о русском посольстве в Италию, отправленном сравнительно незадолго до начала строительных работ на кремлевском холме, появилось в литературе почти сто лет тому назад. Г. Гильдебрандт отметил в своем обзоре документов прибалтийских архивов, содержащих сведения по русской истории, письмо епископа дерптского магистрату Таллина от 5 мая 1483 года, в котором упоминалось о задержке в Таллине русского посла Мануила к папе⁶. Данное упоминание позволяет датировать один интересный документ, еще в конце XIX века извлеченный русским исследователем Чумиковым из фондов таллинского архива. Это грамота Ивана III таллинскому совету с просьбой про-

пустить его послов в Италию⁷. К сожалению, от стоявшей на грамоте даты сохранились лишь две первые буквы, означающие «Шесть тысяч девятьсот...» («в лето 69... месяца августа»). Ясно, что грамота была написана до сентября 1491 года, с которого начинался 7000 год от сотворения мира, и не ранее 1462 года — года вступления Ивана III на престол. Сузить хронологический промежуток позволяет употребленная в грамоте титулатура «божиею милостию великий государь, царь всеа Русии». Впервые употребление такого титула мы встречаем в договоре Новгорода и Пскова с дерптским епископом 1474 года⁸. В то время этот титул явно лишь входил в употребление⁹. Тем самым определяются и хронологические рамки нашего документа — от середины 70-х до начала 90-х годов XV века.

Таким образом, грамота возникла именно в том хронологическом промежутке, когда в Италию был отправлен посол Мануил. Если учесть, что в проезжей грамоте в качестве главы посольства фигурирует также Мануил — Мануил Доксас (он же Мануил Ангелов)¹⁰, а цель этого посольства также Италия, то есть все основания утверждать, что и сообщение дерптского епископа и проезжая грамота имеют в виду одно и то же посольство. Это отождествление позволяет в свою очередь уточнить дату грамоты. Если посольство было задержано в Ливонии весной 1483 года, а отправлено из Москвы в августе, то ясно, что речь должна идти об августе 1482 года.

В своей грамоте Иван III просил городской совет Таллина, чтобы его послы, Мануил Доксас и Иван Лисицын Фрязинов¹¹, имели возможность свободно проехать через Ливонию и обратно, а вместе с ними те, «которые к нам люди поедут на наше имя из Италийских стран». Таким образом, целью посольства, отправленного в Италию в конце лета 1482 года, был наем каких-то итальянцев на русскую службу. Из грамоты, однако, неясно, каких именно итальянцев хотело привлечь на свою службу русское правительство, и, разумеется, она не дает и не может дать ответа на вопрос, удалось ли послу Мануилу выполнить поставленную перед ним задачу.

Эту сторону дела позволяет исчерпывающим образом выяснить грамота Ивана III крымскому хану Менгли-Гирею от июня 1484 года. В своей грамоте Иван III писал: «Да сказывал ми Мануйло грек, что взял на мое имя из Фряз два мастера, пушечника и каменщика и те-деи мастера нынеча в Волосех же; а оставил — деи у них Мануйло своего человека Степанка Стамата, а итти им деи с Федором же Курицыным вместе в Орду»¹².

Поскольку термин «каменщик» в русских средневековых текстах обозначает мастера — строителя каменных построек, то ясно, что грек Мануил нанял в Италии для Ивана III архитектора, и это, несомненно, являлось одной из целей его посольства. В свою очередь констатация данного факта позволяет прийти к определенному заключению, что решение о строительстве в Москве новой каменной цитадели было принято не позднее лета 1482 года. Тем самым подтверждается предположение тех исследователей, которые связывали принятие такого решения с войной с ханом Большой Орды Ахматом и возникновением после до-

вольно длительного затишья угрозы татарского нападения на столицу. Внешняя опасность послужила толчком для решения вопроса, который уже назрел и объективно с превращением Москвы в столицу Русского государства.

Начало самих работ, естественно, зависело от того, как быстро удастся доставить в Москву мастера, который мог бы стать организатором строительства. Здесь, однако, возникли серьезные трудности. В связи с полным отсутствием каких-либо иных сведений о посольстве Мануила Доксаса нельзя ответить на вопрос о том, почему нанятые в Италии мастера не поехали в Россию тем путем, каким ехал в Италию Мануил Ангелов, и почему вообще они отправились в Россию по иному маршруту, чем посол. Как бы то ни было, летом 1484 года, когда Мануил Доксас уже прибыл в Москву, нанятые им мастера находились еще за пределами Русского государства. Цитированная выше грамота позволяет частично восстановить маршрут их путешествия. Из Италии они, по-видимому, выехали в Венгрию и оттуда вместе с русским послом при дворе короля Матвея Корвина известным дьяком Ивана III Федором Курицыным¹³ в 1484 году прибыли в Молдавию, правитель которой воевода Стефан как раз в начале 80-х годов породнился с Иваном III. Из Молдавии Ф.В. Курицын вместе с итальянцами должен был ехать в Москву через Крым, минуя Великое Княжество Литовское — владения враждебного России короля Казимира IV. В связи с этим Иван III предписывал находившемуся в Крыму своему послу Василию Ноздреватому дожидаться прибытия к ханскому двору Ф.В. Курицына вместе с итальянцами.

О дальнейшем ходе событий узнаем из грамоты, посланной Иваном III крымскому хану в начале 1486 года. На выезде из Молдавии Федор Курицын «и с теми людьми, которые с ним фрязове» был задержан в Белгороде Днестровском (Аккермане) турецкими властями и освобожден лишь после вмешательства Менгли-Гирея и хлопот Матвея Корвина¹⁴. Последнее обстоятельство ясно говорит о том, что пребывание Курицына и его спутников в Белгороде было довольно продолжительным¹⁵, растянувшись, вероятно, до самого конца 1484 года. Все же посольству в конце концов повезло, так как оно, судя по всему, сумело проехать в Москву еще до начала (летом 1485 г.) большой войны между Менгли-Гиреем и Большой Ордой, которая, несомненно, крайне затруднила сообщение между Россией и Крымом. Из этого следует, что прибывший с Федором, Курицыным «каменщик», в котором есть все основания видеть уже знакомого нам Антона Фрязина, приступил к строительству кремлевских башен сразу же по окончании своего долгого и опасного путешествия.

Прошло лишь три месяца с момента закладки Тайницкой башни, и в Италию в октябре 1485 года отправился новый посол Ивана III — Юрий Траханиот¹⁶, один из греков, приехавших в Москву вместе с Софией Палеолог. О пребывании Ю. Траханиота в Италии и его встречах летом 1486 года с миланским герцогом, а затем с венецианской синьорией писал целый ряд исследователей¹⁷, однако о целях посольства высказывались лишь догадки, хотя и в этом случае прямое свидетель-

ство о задачах посольства было опубликовано также более ста лет назад. Имеем в виду раздел описи Посольского приказа 1673 года, где есть краткий пересказ утраченной ныне инструкции Ю. Траханиоту: «велено ему... приговаривати в Московское государство лекарей да пушечного и серебряного дела мастеров да камянщиков добрых, чтоб которые умели церкви и палаты строить»¹⁸. Таким образом, Ю. Траханиот снова должен был привезти в Москву архитектора. Такое поручение, данное сразу же по приезде в Москву итальянского строителя, могло бы вызвать недоумение, но следует отметить, что приехавший итальянец был явно специалистом по крепостным сооружениям, а в инструкции речь шла о найме мастера, который умел бы строить «церкви и палаты». Поиски такого специалиста были, несомненно, связаны с начавшимися еще до приезда Антона Фрязина работами по перестройке центральной части Кремля. Здесь уже в 1484 году на митрополичьем дворе псковскими мастерами была заложена церковь Ризоположения¹⁹, а 6 мая того же года и теми же мастерами началось возведение новой церкви Благовещения, за которой была «заложена» и какая-то «палата»²⁰. С постройкой новых «палат», по-видимому, не мог справиться Антон Фрязин, полностью поглощенный крепостным строительством, и требовалось нанять иного специалиста.

Известно очень мало подробностей пребывания Ю. Траханиота в Италии, где он посетил Милан, а затем Венецию. В последнем городе он находился еще в июле 1486 года²¹. Учитывая, что на путешествие в Москву в тогдашних условиях уходило не меньше шести месяцев, ясно, что Ю. Траханиот мог прибыть в русскую столицу не ранее начала 1487 года. В свете этого становится понятно, почему лишь в 6995 году (1487 г. — *Б.Ф.*) в Москве появился новый итальянский мастер Марк Фрязин, который и приступил к осуществлению планов перестройки центра Кремля, «основав... палату велику... на великого князя дворе, где терем стоял»²², ныне известную как Грановитая палата.

Характерно, что «палатный мастер» в том же году был привлечен и к строительству Беклемишевской башни Кремля²³ — свидетельство того, что правительство приняло решение ускорить работы по возведению крепости. Этим решением, вероятно, следует объяснить то обстоятельство, что уже в августе 1487 года в Италию направилось новое посольство Ивана III во главе с «выезжими» московскими греками Дмитрием и Мануилом Ралевыми²⁴. Однако с отъездом посольства вышла непредвиденная задержка. Приехав в Таллин в сентябре, М. Ралев был там задержан до самой зимы, когда плавание по Балтийскому морю стало невозможным. В феврале 1488 года Иван III обратился с грамотой к таллинскому рату, требуя, чтобы с началом навигации М. Ралеву было позволено сесть на корабль, идущий в Любек, и чтобы на обратном пути он имел возможность свободно проехать в Россию, а с ним и «которые к нам люди поедут на наше имя из Италиских стран»²⁵. Из последнего упоминания ясно, что целью этого посольства был также наем мастеров, в том числе, как увидим далее, и архитекторов. Досадная задержка в Таллине привела к тому, что Ралевы не смогли быстро доставить в Москву нужных специалистов, так как лишь в сен-

тябре 1488 года они прибыли в Венецию²⁶, откуда им еще предстояло ехать с поручениями Ивана III в Милан и в Рим.

В этих условиях русское правительство попыталось ускорить дело, наняв таких специалистов в других странах. Так, в июле 1488 года Иван III приказал уже известному нам Ф.В. Курицыну «о мастерах... говорите» с отъезжавшим из Москвы послом Матвея Корвина²⁷. Какие мастера имелись в виду, разъясняет запись «речи» Ф.В. Курицына, в которой он от имени Ивана III просил венгерского короля прислать в Москву «каменщиков, которые умеют церкви и палаты ставить и города делати»²⁸. Привезти этих мастеров в Россию должен был посланец Ивана III Д. Загряжский, но венгерский посол отказался взять его с собой, заявив, что русскому представителю «с ним вместе нельзя пройти на те земли»²⁹. Когда эта попытка не удалась, поручение нанять мастеров было дано Ю. Траханиоту, который в марте 1489 года выехал в Австрию. В данной ему инструкции наряду с рудознатцами и литейщиками послу предписывалось «каменщика добывати хитрого, который бы умел палаты ставить». Для оплаты расходов на приезд мастеров в Россию было отпущено из царской казны два сорока соболей и три тысячи беличьих шкур³⁰. Траханиоту, по-видимому, не удалось исполнить возложенного на него поручения, однако приведенные выше факты ясно показывают, как настойчиво русское правительство добивалось осуществления своих планов быстрой постройки мощной крепости на кремлевском холме.

Эта настойчивость станет понятной, если учесть, что с закладкой в мае 1488 года стрельницы, «где стояла Свибловская стрельница»³¹, теперешней Водовзводной башни, вступили в заключительную стадию работы по созданию южного участка кремлевской стены, наиболее простого с инженерной точки зрения, где расположение укреплений определялось рекой Москвой и рельефом кремлевского холма. Для продолжения работ по строительству других сторон крепости требовался очень квалифицированный строитель, способный к решению особо сложных инженерных задач, и русское правительство, по-видимому не вполне удовлетворенное деятельностью тех строителей, которые были под рукой, было намерено настойчиво такого мастера «добывать» и по возможности сделать это скорее, чтобы не настал нежелательный перерыв в работах.

Наконец, зимой 1489/90 года Ралевы привезли в Москву ломбардца Пьетро Антонио Солари³², члена семьи известных миланских архитекторов и скульпторов, который и стал главным руководителем всех строительных работ в Кремле. Об этом свидетельствует прозвище «архитектон», которым летописцы четко отделяют его от других мастеров, и особенно его титул в письмах на родину: «architectus generalis Moscoviae»³³. Когда в августе 1490 года Ю. Траханиот снова выехал в Австрию, ему было поручено подыскать лишь «лекаря доброго, который бы ведом был на нутренные болезни и на раны»³⁴, в чем нельзя не видеть полное удовлетворение Ивана III инженерно-строительной деятельностью Солари. Действительно, под его руководством в 1490—

1491 годах в весьма сжатые сроки был осуществлен основной комплекс работ по строительству кремлевской крепости (недостроенным оставался лишь участок вдоль Неглинной) и, в частности, были созданы такие шедевры инженерного искусства, как Спасская и Собаки-па (ныне Арсенальная) башни³⁵, было завершено строительство Грановитой палаты, начато строительство нового великокняжеского дворца. Лишь после смерти Солари в 1493 году снова возобновились поиски мастера, который мог бы завершить строительство крепости.

Настойчивость, с которой Иван III и его советники, преодолевая, как мы можем видеть, немалые трудности, стремились привлечь к строительству московской цитадели самых лучших инженеров-фортификаторов Европы, какими в ту эпоху были, несомненно, итальянцы, оправдала себя.

¹ См., например, сводку летописных известий о строительстве Кремля и их анализ в известной работе: Бартенев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 1. М., 1912, с. 30 и след. Правда, С. П. Бартенев извлекал свои известия в основном из летописных компиляций XVI в., но их составители передали более ранние записи о кремлевском строительстве 80-х — начала 90-х гг. XV в. весьма полно и точно, так что сверка со сводами конца XV в. фактически не приносит ни новых известий, ни новых подробностей.

² ПСРЛ, т. 18. Спб., 1913, с. 271.

³ См., например: Снегирев В.Л. Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М., 1935.

⁴ См., например: Лазарев В.Н. Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.). М., 1970, с. 43.

⁵ Пирли и г. П. Россия и папский престол, т. 1. М., 1912; *Varbiere G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari, 1957.*

⁶ Гильдебрандт Г. Отчет о разысканиях, произведенных в рижском и ревельском архивах по части русской истории. Спб., 1877, с. 58.

⁷ Неизданные русские акты XV—XVI вв. Ревельского городского архива. — ЧОИДР, 1897. Кн. 2. Смесь, с. 3—4.

⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. — Л., 1949, № 78.

⁹ Характерно, что в отправленной кафинскому купцу Хозя-Кокосу грамоте 1474 г. Иван III скромно назван «великим князем... всея Руси», а эпитеты «великий осподар Русские земли» и «царь всея Руси» мы встречаем лишь в грамоте, посланной в Крым Захарию Гвизольфи в 1484 г. (ом.: РИО, т. 41. Спб., 1884, с. 6, 41).

¹⁰ Мануила Доксаса есть все основания отождествить с известным по более поздним источникам греком, находившимся на службе у Ивана III, — Мануилом Ангеловым. Летопись сообщает об отправке в Италию весной 1493 г. посольства во главе с Мануилом Ангеловым (ПСРЛ, т. 18, с. 273), а в проезжей грамоте от апреля 1493 г. то же лицо фигурирует как Мануил Доксас (см.: Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России. Ч. 2. М., 1871, с. 70—71). Ясно, что Мануил Ангелов и Маяуил Докоае — одно и то же лицо. В начале XVI в. «Мануил Иванов сын Ангелов» был печатником Василия III (см.: Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 44).

¹¹ Судя по наименованию «Фрязинов», второй посол был итальянцем. Его фамилия, Лисицын, позволяет установить, что речь должна идти об одном из членов семьи известного «денежника» Ивана III — Джованни Делла Вольпе (Лисицын, несомненно, калька с итальянского «volpe» — лиса). Члены этой семьи часто выполняли дипломатические поручения Ивана III в Италии в 60—70-х гг. XV в.

¹² РИО, т. 41, с. 42—43.

¹³ О посольстве Ф.В. Курицына в Венгрию см.: Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, с. 249—250.

¹⁴ РИО, т. 41, с. 47; ПДС, т. 1. Спб., 1851, стб. 159.

¹⁵ Об этом же свидетельствует тот факт, что отправленный в Москву уже после отъезда Курицына из Буда венгерский посол Климент попал туда раньше, чем московский посланец.

¹⁶ Дата выезда указана в описании России, составленном Ю. Траханиотом для миланского герцога (см.: Гуконский М.А. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.). — «Труды ЛОИИ», 1963, вып. 5, с. 652).

¹⁷ Пирлинг П. Россия и папский престол, т. 1, с. 197; Шмурло Е.Ф. Россия и Италия, т. 3, вып. 1. Спб., 1911, с. 25—27; Гуконский М.А. Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.); Рутенбург В.И. Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. (см.: «Труды ЛОИИ», 1964, вып. 7, с. 460—462).

¹⁸ ПДС, т. 1. Спб., 1851, стб. 1494.

¹⁹ ПСРЛ, т. 27, с. 288.

²⁰ ПСРЛ, т. 25, с. 330.

²¹ Barbicri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento, p. 47—48.

²² ПСРЛ, т. 18, с. 271—272.

²³ Там же.

²⁴ Августом 1487 г. датирована грамота Ивана III миланскому герцогу (см.: Шмурло Е.Ф. Россия и Италия, т. 3, вып. 1, с. 23—24). В летописи отъезд послов отнесен к 1487/88 сентябрьскому году (см.: ПСРЛ, т. 27, с. 288).

²⁵ Русские акты Ревельского городского архива. № 4.—РИБ, т. 15. Спб., 1894.

²⁶ О пребывании Ралевых в Венеции см.: Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 14—15 (вступит, статья Е.Ч. Скржинской).

²⁷ ПДС, т. 1, стб. 163.

²⁸ Там же, стб. 165.

²⁹ Там же, стб. 168.

³⁰ Там же, т. 1, стб. 19. Для сравнения отметим, что венецианскому дожу Ралевы поднесли в подарок три сорока собoley (см.: Барбаро и Контарини о России, с. 14—15).

³¹ ПСРЛ, т. 18, с. 272.

³² Там же, с. 273.

³³ Пирлинг П. Россия и папский престол, т. 1, с. 243—244

³⁴ ПДС, т. 1, стб. 46.

³⁵ Квалифицированную оценку инженерно-строительной деятельности Пьетро Антонио Солари в России см.: Лазарев В.Н. Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.).